БОЙНЯ

События 1993 года в романе Александра Проханова «День»

ОН ВЕРНУЛСЯ ДОМОЙ растерзанный, промокший, в измызганных брюках, чувствуя, как горит в плече ссадина от дубинки.

Жена взглянула на него тоскующими глазами. Ни о чём не спросила, принимала промокшую одежду. Снова, как и вчера, он лежал в горячей ванной, закрыв глаза. Минувший день катил на него свои зрелища, и каждое было, как вмятина. Крышка люка с заводским клеймом "Серп и Молот". Станции метро с витражами и золотыми мозаиками. Анпилов, как разноцветный висящий шар. Белые шлемы в чёрной толпе. И тот синеглазый омоновец, что замахнулся и замер, увидев пистолет.

Горячая ванна не согрела его. Он прошёл на кухню, налил в стакан водку и выпил. Жена молча смотрела тоскующими глазами.

Водка не помогла. Хотелось лечь, укрыться с головой, заслониться от видений. Крышка люка и синий язык автогена. Дед, вошедший в вагон, насмешливо на него посмотрел. Железный кунг, и Анпилов, висящий в небе, как шар. Белые шлемы, как куриные яйца. Синеглазый омоновец, занёсший дубинку и забывший её опустить.

Вошла жена, тихая, неуверенная, встала у изголовья.

— Витя, — сказала она.

Куравлёв не ответил.

— Витя, слышишь меня?

— Слышу, — он тяготился её приходом, не желал объяснений.

— Витя, я хотела тебе сказать, — она замолчала. Закусив губу, смотрела в окно, где в дожде горел перекрёсток. Её лицо постарело, щёки обвисли, под глазами круги, на лбу печальная складка. Куравлёву стало больно. Захотелось прижать к себе её голову, целовать поседевшие волосы.

— Витя, я собиралась тебе сказать. Дай мне развод. Я уйду в монастырь.

— Что за вздор! — он вскочил с дивана. Его бил озноб.

— Выслушай меня спокойно. Дети выросли. Я им не нужна. Они живут своей жизнью, и я им только помеха. У тебя своя жизнь, для меня закрытая. Ты пропадаешь целыми днями. Возвращаешься домой избитый, растерзанный, я тебя раздражаю расспросами. Должно быть, есть женщина, с которой ты делишься переживаниями. Она понимает тебя, она живёт той же жизнью. А я устала. Я вам помеха. Я говорила с отцом Владимиром. О том, что хочу в монастырь. Он благословил. Сказал, что и в монастыре я стану о вас молиться. Моя молитва будет крепче, чище. В монастыре я нужнее, чем здесь.

— Перестань! Эти попы тебя обложили. Очнись!

— Ещё я хотела сказать, Витя. Я была у врача. Кажется, я больна. Очень больна. Мне предстоят страдания, предстоят мучения. Не хочу, чтобы вы их видели. В монастыре мне будет легче.

Куравлёв, несчастный, не имея слов, смотрел на жену. Ужасался неумолимости, с какой проносится жизнь, уносит всё дальше от счастливых дней, когда Вера, чудесная в своём материнстве, прижимала к груди новорождённого. Вся светилась, была прекрасна в своём озарении. И он так любил её.

Куравлёв обнял Веру, поцеловал тёплый лоб, прижал к себе её покорную голову.

— Милая моя, любимая. Ты подожди. Всё образуется. Всё уладится. Мы уедем с тобой на Белое море. И будет синева, чёрные лодки, красный, плывущий в море олень, в сетях бьются рыбины, сияющие, как зеркала, и старухи в домотканых сарафанах поют о корабельщиках, конях и орлах. И мы с тобой будем счастливы.

Она тихо вздрагивала. Его голая грудь чувствовала её тёплые слёзы.

Утро было хмурое, сырое. Простуда тлела. Не хотелось вставать. Но в час дня начинался митинг на Октябрьской площади. Куравлёв через силу поднялся и пошёл на митинг.

Москва походила на огромную фиолетовую сливу, наполненную тёмными соками. Слива созревала, тяжелела. Толпы колыхались на площадях, ошалело мотались из конца в конец. Мчались очумелые машины с мигалками. Пахло дымом, палёной резиной. В глазах людей, в стиснутых ртах и кулаках была ненависть. Прохожие шарахались друг от друга, сходились, что-то говорили злое, упрямое, и шли на Октябрьскую, Смоленскую, к Баррикадной. Натыкались на каски и колючую проволоку, свирепели. Москва, как чёрно-лиловая слива, созревала, была готова упасть.

Октябрьская площадь, как квашня, где всходило чёрное тесто. Люди шли и шли из метро, из окрестных улиц, из переходов. Казалось, под страшной тяжестью выдавливаются грунтовые воды, и вода была чёрной, как нефть. Памятник Ленину плавал среди чёрных волн. Ленин шёл по головам толпы. Окружавшие его бронзовые солдат, матрос, рабочий, женщина с ребёнком, мальчик–газетчик, все топтались на маленьком острове среди подступавших волн. Куравлёв вошёл в толпу. Его медленно тянул водоворот вокруг памятника, и он то ударялся о постамент, то его относило. Он улавливал гулы и говоры.

— Слушай, чего говорю. Ельцину пересадили сердце гориллы и яйца быка. Приезжал из Америки врач-еврей. Точно говорю!

— Они Советский Союз как колбасу разрезали. Сперва большими ломтями, теперь поменьше, дальше кусочками. Продают оптом и в розницу!

— Мужики, а Гайдар-то баба! В женскую баню ходит. Сноха была. Стоит Гайдар с сиськами и брюхо мылит!

— Брат в Нарве живёт. Им по-русски говорить не велят. В магазин не пускают. Брат всю Эстонию своими руками отстроил, а теперь оккупант!

— Говорят, Макашова отравили. Но свои откачали. Они Макашова боятся. Он им всем башку оторвёт!

— Скорей уж!

На постаменте появился Анпилов. Его ноги были у самых глаз Куравлёва. Башмаки у Анпилова были изношены и избиты, как у странника, исходившего много дорог. На них была грязь, на шнурках узлы, подошвы истёрлись в походах. Анпилов сжимал мегафон.

— Они окружили Верховный Совет колючей проволокой! Наши товарищи голодают и мёрзнут, но не сдаются! Ельцин отдал приказ травить их газом! К воздуховодам подключают насосы! Будут закачивать газ циклон, которым фашисты душили узников! Неужели мы отдадим наших товарищей в руки душителей? Неужели после этого полезет в горло кусок? Неужели будем смотреть в глаза наших детей? Вы видите солдата, матроса, рабочего! — Анпилов оглянулся на памятник, — Они поведут нас вперёд! Идём вместе с ними к Дому Советов и освободим наших товарищей!

Чёрное тесто в квашне пучилось, хлюпало пузырями, перетекало через край. Куравлёв чувствовал, как во лбу взбухает жаркая жила, как в глазницах плавится свинец, ненавидящее сердце обращено туда, где лязгают каски, блестят колючки, лают овчарки.

Свирепое тулово с бычьими семенниками громит и рушит.

Куравлёв чувствовал, как плавится его сердце, сливается с огромным ненавидящим сердцем толпы. Это ухающее громадное сердце влечёт толпу.

— Вперёд, товарищи! — кричал Анпилов. В его руках был красный мегафон. — Да здравствует Советский Союз!

Толпа качнулась, отпрянула, снова качнулась. Перевалила через край квашни чёрными языками. Потекла, заливая асфальт, не туда, где блестела маковка церкви и мерцали изразцы посольства, а к Садовой, к Парку культуры, к Крымскому мосту, в сторону осаждённого Дома Советов.

Машин не было. Садовая, пустая, с голым асфальтом, была открыта толпе.

Куравлёв шёл в глубине толпы, вместе с ней убыстряя шаг. Был подхвачен раскалённой лавой. Лава гнала пред собой шумящий ветер, сметавший автомобили, прохожих. В толпе бежали бронзовый матрос, солдат с винтовкой, рабочий в спецовке. Они соскочили с постамента и бежали, направляя толпу. Куравлёв среди стука и топота слышал их бронзовую поступь.

Толпа протекла мимо Парка культуры, его бутафорских колонн. Приближались к мосту. Вход на мост преградила хлипкая цепь солдат со щитами и в касках. Они колотили в щиты, и этот жалкий неровный стук лишь ярил толпу. Цепь распалась, как гнилая нитка. Полетели в воду щиты и каски. Кто-то с воплем перекинулся через ограждение и упал в реку.

"Со всеми! Со всеми! Успеть! Я, как народ! Я — народ! Зоя, слышишь? Идём, как весна!"

Мост прогудел железными вантами. Громадная рука пробежала по струнам. Толпа давила на город с непомерной силой, подобно ураганам, землетрясениям, извержениям вулканов. Эта сила исходила из глубин земли, возникла изначально, при сотворении мира. Таилась в расплавленных недрах и вдруг изливалась из скважин. Этими скважинами были полные ненависти сердца. И его, Куравлёва, сердце. Сквозь его сердце из бездонных глубин изливалась кипящая лава.

"Не отстать! С народом! Я — народ! Зоя, слышишь меня? Идём, как весна".

Докатились до Смоленской, свернули. Открылся синий двулистник мэрии. Вышло солнце, и за мэрией белоснежный, сверкающий, как солнечная льдина, встал Дом Советов. Желанный, ликующий, раскрыл объятье спасителям.

Оцепление рассыпалось, солдат сдуло, как соринки. Колючая проволока сверкнула серебром, струилась кольцами. В эти кольца ударила поливальная машина, вслед за ней другая. За рулём сидели яростные люди, таранили колючую изгородь, расчищали проходы толпе.

Озарённая солнцем, ликующая, толпа бежала. По ней из окон мэрии открыли огонь. Несколько бегущих упало. Среди них Куравлёв увидел Шурыгина. Он корчился, подстреленный, на асфальте. Куравлёв хотел подбежать, но толпа подхватила, понесла. Навстречу из Дома Советов бежали, обнимались, братались, целовались. Так под Сталинградом соединялись фронты. Кто-то пахнущий дымом, небритый, облапил Куравлёва, что-то радостно орал в ухо. Куравлёв увидел идущего навстречу Ачалова, устремился к нему, но они разминулись. Два встречных потока закружили их.

Из мэрии доносилась пальба. Куравлёв хотел отыскать Шурыгина, направился к мэрии. Клубился народ. Баркашовец в камуфляже со звездой Богородицы бежал вдоль нижних окон, переставляя тяжёлые бутсы, как в изящном балете. Танцуя, бил из автомата по окнам. Стекла сыпались, сверкали, а баркашовец скакал, на мгновение зависал, не касаясь земли, и лупил из автомата.

Куравлёв не нашёл Шурыгина. Видел, как из мэрии ведут захваченных милиционеров. Они шли, держа руки на затылках, попранные и побитые. Затравленно озирались, а вокруг улюлюкали, свистели, кидали щепки и пластиковые бутылки.

Куравлёв спешил в Дом Советов, торопился отыскать Зою. Навстречу попался Бабурин. У него было белое, без кровинки, лицо, будто намазанное белилами.

— Здравствуй! Поздравляю! — Куравлёв хотел пожать ему руку. Бабурин не видел его, прошёл мимо, неся белое отрешённое лицо.

Толпа рассыпалась на клубки. Клубки перекатывались вокруг Дома Советов. Люди растаскивали проволоку. Среди этих клубков увидел детского писателя Щелкунова. Он был небрит, неправильное кривое лицо светилось. Он кинулся к Куравлёву.

— Это потрясающе! Народ победил! Мы свободны! Я всё это время был внутри. Какие люди! Напишу об этом. Но это ваш, ваш сюжет! Какое счастье! — он восторженно обнял Куравлёва и побежал дальше.

Куравлёв увидел Зою. Она снимала. Водила аппаратом в разные стоны. Вскидывала его, как охотник, стреляющий влёт.

— Боже мой, Витя!

— Радость моя!

Они целовались, и никто не обращал на них внимания, все вокруг целовались.

— Я знала, что ты придёшь! Я тебя звала, слышал?

Она была прекрасна. Волосы развеяны, золотом набегали на лоб. Лицо озарённое, солнечное. Она вся была солнечная. Она была его солнцем, его праздником, его любовью.

— Какое счастье! — обнимал он её.

Было сказочное, восхитительное, превратившее чёрные дни в солнце. Царевич из кощеева царства избавляет царевну.

— Царевна моя! — целовал её в губы, в шею, вдыхал, не мог надышаться.

— Вот Революция! Победа! Народ — освободитель! Ты — освободитель!

Среди шума, ликованья, праздничных песен раздался едва различимый звук. Он падал с небес. Все услышали этот ниспадающий звук. Утихли, смотрели в небо. В зелёном вечереющем небе над Домом Советов летели журавли. Трепетал их прозрачный клин. Их курлыканье слетало с небес. И каждый слышал курлыканье поднебесных птиц, улетающих с этой земли в необъятные выси. Прощались, удалялись в страны, где никому не бывать.

Куравлёв, обнимая Зою, смотрел на журавлей. И ему вдруг стало невыносимо больно.

ПОСЛЕДНЕЕ золотое солнце на вершине Дома Советов погасло. Белая громада стала синей, меркла, остывала, становилась серой, пепельной. Народ продолжал ликовать. Сходились, не умолкали, витийствовали. Играло несколько гармошек, звучало несколько песен.

— Поедем ко мне, — сказала Зоя, — Я приму душ, и мы где-нибудь поужинаем. В каком-нибудь хорошем ресторане.

Рисунок Геннадия Животова

— В "Балчуге". Я был там с банкиром Сурковым. Я предсказывал нашу победу, и вот она состоялась.

— А потом я положу тебя в тёплую уютную кровать. Не на грязные ковры, не на оконные занавески, не под чужие пальто. Всё будет свежее, чистое, тёплое.

— И мы будем пить не ледяную воду из чужого графина, а хорошее вино, не вставая из постели.

Темнело. Небо из малахитового становилось свинцовым. В окнах Дома Советов загорелись окна. Умельцы протянули электрический кабель, дали свет. На балконе зарокотал микрофон, манил толпу. Народ потянулся на звоны и рокоты. Куравлёв и Зоя оказались под самым балконом.

— Послушаем и поедем, — сказала она.

Человек в шляпе, в дорогом пальто говорил, размотав на шее шёлковый шарф.

— Братья, с Победой! Да здравствует Победа, священная, благоухающая, как цветок! Мы вдыхаем аромат свободы! Пусть этот аромат вдохнёт вся Москва, вся Россия, всё человечество! Обратимся по телевидению к народам мира! Россия вновь среди своих снегов выращивает алую розу Свободы!

Ему аплодировали, свистели. Казак Мороз, с золотистыми усами, в крестах, с эполетами, кричал молодецки: "Любо!"

Микрофон захватил человек, похожий на дьячка. Куцая бородка, сальные волосы до плеч на прямой пробор, блестящие, как у мыши, глазки. Чёрная хламида его раздувалась. Голос был тонкий, бабий:

— Тэлявидение, а не телевидение! Вся пакость от него! Заткнуть богомерзкий рот! Отрезать картавый язык! Глас народа — глас Бога! Дать экран Макашову!

Толпа, услышав о Макашове ревела. В ней вновь заваривалось тяжёлое месиво. Раздавалось:

— Макашов! Макашов! Праздничное настроение улетучилось. Замолчали гармони.

Появился Лыкошин, похожий на императора Александра Третьего, грузный, тяжеловесный, с рыжеватой бородкой. Он посадил свой голос, когда вместе с Володиным дни и ночи кричал в маломощный передатчик, взывая о помощи.

— Братья, Верховный Совет написал обращение к народу России! В нём говорится об отстранении преступника Ельцина от власти! О досрочных выборах президента и парламента! Мы хотим зачитать это обращение на телевидении! Кто за то, чтобы встретиться с руководством телецентра и добиться выступления Руцкова?

Толпа воздела руки. Руки мотались, белели ладони, сжимались кулаки. Сквозь рёв слышалось:

— Руцкой! Руцкой! На Останкино! Экран — для народа!

Под балконом чернело, будто навалили горы гудрона. Толпа, что ещё недавно ликовала, целовалась, браталось, вновь начинала ненавидеть. В ней крутились водовороты ненависти.

Появился Анпилов. Без шапки, с расстёгнутым воротом, с красным бантом. Бил в небо кулаком, словно хотел достучаться до Бога.

— Товарищи, на Останкино! Только вперёд! Народ победил! Клеветников и лгунов к ответу! — его голос действовал на толпу, как пьянящее зелье. Толпа жадно впивала слова, злобно хмелела.

Появился Макашов. В полевой форме, в генеральских погонах, в косом берете. Коричневое лицо, нос с горбинкой, чёрный, косой берет напоминали команданте Че Гевару.

— Ты видишь? Он похож! Все революционеры друг на друга похожи! — Зоя держала над головой аппарат, чтобы не мешала толпа. Щёлкала ещё и ещё.

— Народ имеет право на восстание! В России больше не будет ни мэров, ни пэров, ни хэров! На Останкино!

Толпа ревела.

— Макашов! Макашов!

Генерал не уходил с балкона. Хотел продлить эти возгласы, испить народное обожание, ощутить себя народным вождём.

— На Останкино! — повторил Макашов и скрылся.

Толпа потянулась в сквер, вязко лилась сквозь деревья. Звенел и клокотал голос Анпилова. Появились грузовики, легковые машины. Люди лезли в кузовы, набивались в легковушки. Куравлёва потеснил грузовик. Встал, грохотал мотором, выбрасывал липкую гарь. За рулём сидел парень, который бежал с Куравлёвым в толпе. На лобовом стекле красовался портретик Сталина в белом кителе со звездой Победы.

— Лезем? — спросила Зоя, уже цепляясь за борт.

— А "Балчуг"?

— В Останкино готовят вкуснее! — они взлетели в кузов. Их толкали, прижимали к кабине. Рядом жалобно пискнула гармошка. Переполненный грузовик пробирался сквозь толпу на аллею сквера, следом за другими грузовиками и легковушками. Выстраивались в колонну, катили, сигналили, разгоняли другие машины. Кузовы были битком. Казалось, везли по Москве чёрный гудрон.

Куравлёв стоял в кузове, держась за кабину. Зоя прижималась к нему. Ветер раздувал её волосы. Она отбрасывала их, поднимала на Куравлёва глаза. Глаза были влюблённые не только в него, но и в голубую и розовую Москву, в летящие мимо дома, парки, храмы, в красное знамя, трепетавшее над головным грузовиком, в рёв гармошки с малиновыми мехами, в портретик Сталина на лобовом стекле, в гармониста, наяривающего "Яблочко". Грузовик дребезжал, качался. Казалось, оттолкнётся изношенными колёсами, взмоет, и все они, с ревущей гармошкой, с "Яблочком", с портретиком Сталина, понесутся над крышами, крестами и памятниками. Народ с земли станет махать пролетающему грузовику.

"Как я люблю её! И этот особнячок с милыми колоннами, и благородный московский дом, и лихого гармониста, и портретик Сталина! Какое счастье быть с народом в минуты его торжества!"

Хворь, тлевшая в нём с утра, улетучилась. Он был свеж. Был с народом. Рядом была любимая златоглазая женщина.

На Садовой, у Колхозной площади, их обогнала колонна бэтээров. Восемь пятнистых машин скользили, обходя грузовик. На броне сидел спецназ в шлемах, бронежилетах, с автоматами. Слегка развалились, уперев в скобы тяжёлые бутсы. В люках стояли командиры, виднелись водители в танковых шлемах. Бойцы спецназа, обгоняя грузовик, улыбались, некоторые прижимали к сердцу ладони в перчатках, из которых торчали голые кончики пальцев. Тускло светились пулемёты. Только один боец, когда пятнистый борт скользил мимо грузовика, и Зоя помахала рукой, холодно посмотрел на неё, опустил большой палец вниз, что означало "Мочить". Все, кто был в кузове, махали военным. Подтверждались слухи, что одна из бригад перешла на сторону Верховного Совета.

В сумерках просиял памятник космонавтам, стальной шлейф взлетавшей ракеты. Грузовик свернул, и возникла Останкинская телебашня. Стебель из луковицы впивался в небо. Стебель водянисто переливался, продолжал расти.

Головной грузовик миновал стеклянный корпус, огромный, мрачный, как бокс. Сделал разворот и остановился у низкого здания с козырьком и стеклянной дверью. Здесь стояли легковые машины, сгрудились люди. Куравлёв заметил берет Макашова.

— Приехали! Разгружаемся! — шофёр весело вылез из кабины. Люди выпрыгивали из кузова. Куравлёв, стоя на земле, принял Зою в объятья. Грузовики и легковушки выстроились у тротуара. Парк чернел сырыми деревьями. Тянулся скользкий слизистый стебель башни, протыкая розовые, в отсветах, облака. Народа было не густо. Только те, что приехали с Макашовым. Основная лавина с Анпиловым медленно приближалась к Останкино.

У козырька топтались журналисты, мерцали вспышки, блуждали лучи телекамер. В гуще народа мелькал берет Макашова. Зоя протискивалась сквозь стену журналистов.

— Что творится? — спросил Куравлёв у Лыкошина. Тот могуче возвышался над толпой, напоминая конную статую Александра Третьего работы Паоло Трубецкого.

— Сначала ткнулись в главное здание, — Лыкошин кивнул на чёрную стеклянную громаду, — Потребовали руководство. Сказали, что руководство напротив, где мы стоим. Сюда пришли. Макашов вызывает дирекцию. Какой-то зам отвечает, что руководство с бандитами разговаривать не будет. Дверь не открывают. Сейчас продолжаем вызывать руководство.

Задребезжал мегафон. Его прижали раструбом к стеклянным дверям. Голос звучал, как звон пилы.

— Именем Верховного Совета! Требуем немедленной встречи с дирекцией телецентра! Требуем немедленно допустить на телевидение представителей Верховного Совета! Требуем обнародовать обращение Верховного Совета к гражданам России!

Дребезжание мегафона рождало дребезжание стеклянных дверей. Казалось, две огромные стрекозы схватились и хрустят, звенят стеклянными крыльями.

— Господин Куравлёв? — корреспондент "Нью-Йорк Таймс" Марк Файн улыбался маленьким румяным ртом, — Это очень интересный момент. Не кажется ли вам, что такое давление на телевидение нарушает свободу слова?

— Свободу слова нарушает колючая проволока вокруг парламента и отключение одной из ветвей власти от средств информации.

— Очень интересный момент! — Марк Файн отошёл, исчез среди журналистов и мерцания вспышек.

Среди этих мерцаний затерялась Зоя.

— Именем Верховного Совета! — продолжал дребезжать мегафон.

— Что их умолять! Взломать дверь и взять руководство за шкирку! — говорил баррикадник в оранжевом жилете, тот, кого Куравлёв называл бригадиром.

— Там охрана. Менты с автоматами, — осторожно возражал другой.

— Они с автоматами, мы с лопатами! — зло хохотнул бригадир.

— Мужики, ломай дверь! — лихое, хмельное, молодецкое звучало в этом возгласе.

Люди были бессильны достучаться до мучителей, истязавших народ. Мучители засели в огромной стеклянной камере пыток. Люди подхватили этот удалой хмельной возглас.

— Ломай дверь, мужики!

— Выкуривать уродов!

— Макашову экран!

Застучали в дверь кулаками. Толстое стекло не поддавалось. Стали бить ногами с разбега. Бронированное стекло выдерживало удары. Непрерывно мерцали вспышки. Камеры ловили набегавшего, прыжок, удар ногой. Прыгун падал, стряхивал грязь. Дверь оставалась невредимой. Свет за дверями погас, в темноте бродили тени.

— Грузовик подгоняй! Долбанём!

Мимо Куравлёва протиснулся водитель грузовика. Его лицо было шальное, безумное.

Горя фарами, подкатил грузовик. Люди раздвинулись. Фары светили в стеклянную дверь, пробивали лучами стекло, освещали вестибюль. Там неясно скользили тени.

— Расступись! Расступись!

Куравлёв смотрел на урчащий грузовик, белый пучок лучей, портретик Сталина на лобовом стекле. Лицо водителя было безумным, хмельным. Время застыло, будто его запрудили, и оно взбухало, твердело, становилось железным. Пробило запруду и хлынуло.

— За Родину! За Сталина! — восторженно кричал человек, похожий на дьячка, что недавно выступал с балкона. Воздел руку, как офицер, поднимающий солдат в атаку, — Вперёд!

Грузовик взревел, рванулся. Ударил в дверь. Расшиб стекло и застрял кабиной под козырьком. Закупорил вход. Люди ринулись, стараясь протиснуться в узкую щель. Из тьмы вестибюля ударила очередь. Прошила радиатор машины. Несколько трассеров проскользнули в зазор, унеслись в темноту.

— Убило! — раздался вопль.

Люди отпрянули.

— Стрелять? По народу?

Грузовик торчал под козырьком. Фары погасли, но мотор продолжал работать.

Из толпы выскочил человек, по-кошачьи ловкий, вёрткий. На плече его был гранатомёт. Куравлёв узнал Бирюка. "Так вот где третий! Два по посольству, а третий сюда!"

Бирюк качнулся, нацелил трубу в щель, откуда пронеслись трассеры. Полыхнуло, ухнуло, озарило вестибюль жёлтой вспышкой. Корреспонденты снимали. Телекамеру пытались протиснуть в щель, куда улетела граната. В тёмном вестибюле посветлело. Там горело, начинался пожар. Грузовик стал пятиться, открывая проход. Толпа устремилась в вестибюль.

Прогрохотало. В толпу, длинные, колючие, ударили пулемётные трассы, летели из чёрной стеклянной стены. Грохотал пулемёт, резал толпу, всаживал очереди. Люди валились, пробитые пулями. Истошно кричали. Раненые ползли. Пулемёт бил, валил людей. На чёрной стеклянной стене пульсировал рыжий язычок. Пули летали вокруг Куравлёва. Он слышал, как пуля чмокнула в мякоть. Взмахнул руками и упал Марк Файн. Рядом рухнул оператор. Скоблил ногтями асфальт, а камера продолжала светить. Куравлёв увидел Зою. Она металась, натыкаясь на обезумевших людей.

— Зоя!

Кинулся к ней, рванул за руку, выволакивал из жуткого водоворота, в который вонзались очереди. Валились тела. Пулемёт грохотал. Трассы блуждали, вонзались в грузовик, искали разбегавшихся людей.

— Бежим! — Куравлёв вырвал её из-под пуль. Тянул прочь, в чёрный парк. Там, как светляки, летали трассы. Куравлёв толкнул Зою к дереву, прижал к стволу. Слышал, как пуля вошла в кору, замерла в древесине. Подумал, дерево заслонило их своей грудью.

— Убийцы! — задыхалась Зоя, — По людям!

Она дрожала, билась головой о дерево. Рвалась туда, где разгорался пожар, чернел среди огня грузовик, валялись грудой убитые. Вновь хваталась за дерево, билась головой.

Не было толпы. Она рассыпалась в разные стороны. Пулемёт умолк. Пожар разгорался. Машины, прибывшие из Дома Советов, отъезжали, гнали прочь. Башня тянула ввысь сочный стебель, впитывала зрелища пожара, убиваемых людей, проблески пулемёта. Впрыскивала эти зрелища в розовое облако, которое стало багровым.

Куравлёву показалось, что в парке мигают огоньки.

— Здесь нельзя оставаться! Уходим! — Куравлёв тянул её, отдирал от дерева, которое таило в своей древесине пулю. Выбежали под фонари, где выруливали машины. Он махал, останавливал, но они проносились мимо.

— К метро! — продолжал он её тянуть.

Они бежали прочь от телецентра, от пожара, от трупов, от чёрной стеклянной стены, из которой бил пулемёт. Куравлёв увлекал Зою, чтобы спастись и позже, на удалении от этого жуткого места понять, что стряслось, почему он жив, почему на пути у пули оказалось безлистое дерево.

Они бежали туда, где должно было возникнуть сверканье проспекта. Но сверкания не было. Двигалось чёрное людское множество, густое, вязкое. Раздавался звон мегафона, и в этом звоне звучал лязгающий голос Анпилова.

— Товарищи, мы имеем право на свободу слова! Товарищи!

Толпа запрудила тротуары, проезжую часть. Текла, не пускала Куравлёва и Зою, останавливала, давила. Куравлёв и Зоя, не в силах сопротивляться толпе, залипая в ней, подвигались туда, откуда бежали.

— Товарищи! — Анпилов с мегафоном был рядом, был поводырь, оборачивался к толпе, пятился и снова шёл, лязгая голосом, туда, где горел пожар.

Движение толпы было медленным, мерным. Так движется сползающий с гор ледник, волочит с собой содранные утёсы, валуны, несёт вмороженные в лёд глыбы.

Куравлёв не отпускал её руку. Шёл вместе с Зоей туда, откуда бежал. Сзади толкали, давили, и он беспомощно шёл.

Асфальт впереди был голый, стальной. Под фонарями лежали жёлтые кляксы. Куравлёв увидел, как из темноты появились плавные бесшумные бэтээры. Встали, тускло освещённые фонарями. Зажглись огненные глаза. Бэтээры светили в толпу, слепили. Люди отворачивались, прикрывали глаза руками.

— Товарищи, сохраняем спокойствие! — мегафон в лучах стал красным. Лицо Анпилова казалось оплавленным, с чёрной дырой рта.

Куравлёв смотрел на лучи и вдруг обессилел. Был готов упасть. Приближалось неотвратимое, неодолимое. Он был во власти лучей, которые влекли его, заставляли безвольно идти. Тупо застучало. На бэтээрах среди лучей появились рыжие пульсирующие вспышки. Трассы ударили в толпу. Грохотало, брызгало огнём. Очереди вырезали передних, те падали, разбегались. Их место занимали идущие следом. Их выстригало. Толпа отхлынула, разбегалась в стороны, оставляя на асфальте подстреленных. Некоторые шевелились, ползли навстречу лучам, тянули к ним руки. В эти руки, в окровавленные лица, в мёртвые взлохмаченные тела летели пули, грохотали пулемёты. Толпа побежала. Давили друг друга. Зою оторвали от Куравлёва, унесли. Он побежал за ней, но его толкнули, ударили, повлекли. Он видел, как ползёт по асфальту человек в шляпе, с шарфом, открывая беззвучно рот. Кувыркнулась, подброшенная пулей, пожилая женщина в шляпке. Подросток подскакивал, перепрыгивая ударявшие пули. Но одна настигла его, сорвала половину лица, и он без лица, с липкой кляксой, ещё бежал и рухнул. Оторопь Куравлёва сменилась ужасом, рвотным стремлением бежать. Это длилось мгновение. Потеряв Зою, унесённую туда, где очереди косили людей, он почувствовал жаркое безумие, слепое стремление кинуться на бэтээры, добежать, грызть броню зубами, царапать ногтями, добираясь до пулемётчиков.

Бэтээры пошли вперёд, догоняя толпу. Давили, грохотали, носились среди толпы. Куравлёв вдруг вспомнил про ТТ. Пистолет был у пояса. Он достал его, снял предохранитель, выставил руку с пистолетом навстречу налетающему бэтээру. Машина отвернула. В люке виднелся сумасшедший водитель. Бэтээр повернулся кормой, и Куравлёв стал стрелять в корму много раз, чувствуя, как дёргается пистолет. Он продолжал стрелять в уходящую корму. Кто-то пробегавший толкнул его, выбил пистолет. Пистолет упал на асфальт, чёрный, отливающий синью.

Толпа убегала. Не стреляли. Бэтээры, краснея габаритами, возвращались к телецентру.

Куравлёв увидел Анпилова. Тот стоял среди убитых с белым лицом, не закрывая чёрной дыры рта, из которой раздавался сиплый вой.

Книгу можно приобрести в «День-магазине»:
+7 (499) 350-17-79, день-магазин.рф, pochta@den-magazin.ru

Газета "ЗАВТРА" зарегистрирована Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-22122 от 24 октября 2005 года.
Учредитель и издатель — ООО "Редакция газеты-еженедельника "Завтра" (119146, г.Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII).

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Фрунзенская наб., 18, пом. VII.
E-mail: zavtra@zavtra.ru Электронная версия: http://zavtra.ru/
Служба распространения: (499) 246-88-52 (т/ф). Служба рекламы: (903) 131-53-97.
Отпечатано в АО "Красная Звезда" (125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38, тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62, http://www.redstarprint.ru, e-mail: kr_zvezda@mail.ru.

Главный редактор Александр ПРОХАНОВ

Тел. редакции: (916) 502-49-86. Тираж 20 850 Заказ № 5522-2021 Дата выхода в свет — 29.09.2021 г. Подписано в печать 28.09.2021 г. в 15.00, по графику — в 15.00